
В. Е. ПОЛЯКОВ

**БИОЦЕНОЗ КАК ФАКТОР
ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В КРЫМУ
В 1941–1944 гг.**

В данной статье рассматривается партизанское движение в Крыму как фактор взаимодействия человека и живой природы, а также зависимость возможного и реального количества партизан от условий базирования и прочих как объективных, так и субъективных факторов. Автор исследует партизанское движение в Крыму как часть биоценоза в природе.

***Ключевые слова:** партизаны, Крым, биоценоз, голод, противник, продовольствие.*

Крымский полуостров в силу своей уникальной конфигурации с военной точки зрения представляет собой остров с двумя географическими зонами: 3/4 его территории составляет степь и 1/4 – холмы и горы. Значительная часть холмов полностью утратила свою растительность.

Горы невысокие и имеют множество перевалов: Мердвень, Кепек-Богаз, Эски-Богаз, Симеиз-Богаз, Малая-Богаз, Гаспра-Богаз, Ставри-Богаз, Кучук-Узень-Богаз, Биюк-Узень-Богаз, Истиля-Богаз, Ак-Чокрак-Богаз, Сарденин-Богаз (Ена 2005: 9). Причем шесть из них еще до революции были приспособлены для гужевого транспорта, а со временем были адаптированы для проезда автомобилей.

Леса Крыма в результате постоянного вмешательства человека постепенно «отступили» в горы. Северные склоны главной гряды представлены в нижней ее части преимущественно дубовыми лесами, в верхней – буковыми с примесью граба. В буковых лесах растут липа, ясень, клены, а также дикие плодовые деревья: яблони, груши. Лишь местами встречаются участки сосновых лесов. Сочетание леса и гор наряду с обычными трудностями породило и преимущества: удобство обороны в случае ведения боя, нали-

чие условий для засады, возможность обходного маневра. К тому же крымские горы имеют множество пещер, в которых могли на время укрыться один-два или несколько человек одновременно.

Примечательно, что еще в XIX в. крымский Робин Гуд – Алим – находил убежище в подобных пещерах, многие из которых до сих пор носят его имя.

Тем не менее о нахождении в лесу крупных незаконных вооруженных формирований (да еще в течение длительного времени) истории неизвестно.

В годы Гражданской войны крымский лес был убежищем для многих людей. На какое-то время они собирались в различные по политической ориентации вооруженные группы. Поскольку власти в Крыму менялись с калейдоскопической быстротой, то и продолжительность действий этих групп была небольшой. Примечательно, что население называло их «зелеными», как бы выводя за черту традиционного противостояния «красных» и «белых».

В октябре 1941 г. решением Крымского обкома ВКП(б) вся лесная зона полуострова была поделена на пять партизанских районов:

1-й – судакские и старокрымские леса. В них должны были базироваться Кировский, Старокрымский, Судакский, Феодосийский отряды;

2-й – карасубазарские и зуйские леса: Бююк-Онларский, Джанкойский, Зуйский, Ичкинский, Карасубазарский, Колайский, Сейтлерский отряды;

3-й – леса заповедника: 1-й и 2-й Симферопольские отряды, 3-й Симферопольский районный, Алуштинский, Евпаторийский, Тельмановский, отряд сотрудников НКВД, главный штаб и комендантский взвод.

4-й – бахчисарайские леса: Ак-Мечетский, Ак-Шеихский, Бахчисарайский, Красноперекопский, Лариндорфский, Куйбышевский, Ялтинский отряды;

5-й – леса вокруг Балаклавы и Севастополя: Балаклавский, Сакский, Севастопольский, Фрайдорфский отряды.

Командир одного из таких районов И. Г. Генов впоследствии вспоминал: «Граница района проходила по линии Пролом, Мелек, Орталан, Ворон, Капсихор, а на западе по шоссе на дороге Симферополь – Алушта. На этой территории в 1918 г. оперировал один

отряд, теперь же предстоит разместить восемь партизанских отрядов!» (Генов 1983: 10). «Опыт учил, что лагерь следует размещать как можно дальше от населенных пунктов, проезжих дорог, в глухом и скрытом месте, удобном для обороны, нападения и маневра. А также вблизи водных источников: речек, родников и т. д. Но если следовать всем этим правилам, то во втором районе больше трех отрядов разместить негде не только потому, что здесь леса по своим размерам незначительны, но и потому, что весь лесной массив пересекает много дорог, паутиной по всем направлениям тянется бесчисленное количество троп и тропинок, хорошо известных местному населению» (Там же: 11).

Помимо Генова среди будущих партизан были и другие участники Гражданской войны в Крыму. Исходя из своего прежнего партизанского опыта, все они были убеждены, что, как и в «ту войну», армия противника будет на фронте, отдельные гарнизоны – в городах, а в деревнях будут хозяевами партизаны. Основным носителем этой теории был сам командующий А. В. Мокроусов: «Оккупанты, как правило, будут находиться в городах. В деревню они не пойдут. Вот в деревнях-то мы и будем хозяйничать. Единственное, на что гитлеровцы могут пойти, – это выделить часть войск на охрану своих коммуникаций» (Там же: 79).

Поскольку «оккупанты будут находиться в городах», то отряды с большим комфортом стали размещаться в горных поселках: 3-й Симферопольский отряд – в горном санатории; бойцы Красноармейского отряда – в общежитии поселка Чаир; штаб А. В. Мокроусова – в кельях Святогорского монастыря...

Вот впечатления от первого дня партизанской жизни Леонида Вихмана: «В лесу был большой двухэтажный дом. Туристическая база. Отряд человек 300. Много женщин. Нас накормили. Питание исключительное было. Любая закуска, вино. Все что хотите было. Столы, стулья. Обслуживали девушки в белых халатиках, тарелочки, рюмочки, графинчики» (ГААРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 47. С. 88).

С началом боевых действий все это пришлось бросить и уходить вглубь леса. В спешном порядке стали делать землянки. «Бывший бригадир строительной бригады Егор Шутеев сложил прекрасную плиту. Затопили ее, не дождавшись, пока просохнет глина» (Генов 1983: 36).

Пожалуй, серьезнее всех подошли к обустройству в Зуйском отряде, которому предстояло воевать недалеко от родных мест. В отличие от всех других отрядов они все делали заблаговременно: «Землянки скрыты под землей. Лазы в них замаскированы. Если бы не тропки на снегу, да не дымки из труб – убей, не обнаружишь...» (Луговой 2004: 26).

Впрочем, партизанские лагеря в классическом понимании этого термина просуществовали до декабря 1941 г. – до первого прочеса немцев, так как в ходе карательной экспедиции все землянки были взорваны.

Вот что сообщали по этому поводу немецкие документы: «Разгромлено 16 баз партизан. 7 складов с продовольствием, теплая одежда, консервы, овощи, бараны, свиньи.

Захвачено в плен – 490 чел. Убито партизан: – 470 чел.» (Германские... 2000: 6).

Еще недавно землянка А. В. Мокроусова выглядела так: «Внутри она была выложенной бревнами. У входной двери встроено окно. Справа железная печка, слева, у окна, небольшой столик. Во второй половине землянки – деревянные нары, покрытые ковром». После прочеса картина была совсем иная: «Шалаш Мокроусова представлял собой деревянную изгородь, накрытую плащпалатками» (Федоренко 1990: 37).

Тем не менее сохранились в неприкосновенности следующие продовольственные базы: во втором районе – Зуйского и Джанкойского отрядов; в третьем районе – Евпаторийского отряда; в четвертом районе – Ак-Мечетского отряда (Мальгин, Кравцова 2006: 86).

В связи с тем, что продовольственные базы закладывались из расчета на полугодичное пребывание в лесу, голод был неминуем, но в пятом партизанском районе он начался практически сразу. Дело в том, что по расчетам организаторов партизанского движения (первого секретаря обкома ВКП(б) В. С. Булатова и начальника Крымского управления НКВД Г. Т. Каранадзе) Севастополь должен был без боя сдать противнику.

Поэтому в окружавших город лесах стали закладывать продовольственные базы для будущих партизанских отрядов пятого района. Командующий Приморской армии генерал-майор И. Е. Петров спутал все карты и немцам, и адмиралу Ф. И. Октябрьскому, кото-

рый вместе с Черноморским флотом отбыл в Новороссийск, и партизанскому командованию: он самовольно привел Приморскую армию в Севастополь и не пустил врага в город.

Так леса вокруг Балаклавы и Севастополя неожиданно стали линией фронта, а концентрация войск противника в пятом районе оказалась такова, что ни о какой партизанской деятельности не могло быть и речи. Вот что писал в своих воспоминаниях Ф. И. Федоренко: «Отряды Пятого района базируются совсем близко от артиллерийских позиций и тыловых частей врага. Тайники с продовольствием оказались на линии фронта. К ним не подойти...» (Федоренко 1990: 28).

Из-за наличия в Крыму линии фронта концентрация войск противника оказалась такой насыщенной, что в деревнях порой не хватало места для немецких и румынских солдат, а Мокроусов наивно планировал, чтобы в них жили партизанские отряды.

Определенным подспорьем оказавшихся без продовольствия партизан стала флора и фауна Крыма.

Вот что вспоминал впоследствии командир Бахчисарайского отряда Михаил Македонский: «Чтобы заинтересовать людей, мы ввели своеобразную премиальную систему. Группе партизан, которая убила оленя или козу, мы отдавали “сбой” (голову, ноги и внутренности животного), а туша шла в общий отрядный котел.

Этот порядок был введен по предложению самих партизан и выдерживался самым строжайшим образом все время, пока мы были в лесу. Подстрелил партизан зайца – половину тушки возьми, вторую половину отдай отряду.

У нас не было случая, чтобы кто-нибудь, кому повезло на охоте, утаил добычу от товарищей. По законам леса такого партизана мы бы расстреляли.

Несмотря на все наши старания, бывали дни, недели, когда партизаны не получали никаких продуктов, ни ложки муки, ни кусочка мяса – абсолютно ничего. Чем мы тогда питались?

Пожалуй, легче сказать, чего мы не ели, потому что ели буквально все: молодые побеги, листья, траву, древесную кору, прошлогоднюю картошку, трупы павших животных и т. д. Шкуры убитых оленей, снимали с ног обувь – постолы, резали их “на лапшу” и варили.

Все, что можно было жевать, что хоть как-нибудь усваивалось желудком, – все шло в пищу» (Македонский 1969: 108).

«В заповеднике перед войной зубры были. Мокроусов с самого начала строго-настрого нам запретил их трогать. Приказ дал: под расстрел того, кто убьет зубра, он, мол, 10 тысяч золотом стоит. Зубров этих, в конце концов, немцы постреляли, хотя последний зубр все же партизанам достался, несмотря на приказ. Голод заставил» (Сермуль 2004: 28).

Все это, вместе взятое, привело к тому, что во всех отрядах, как и в партизанском движении в целом, шел страшный, неумолимый «естественный отбор»: люди сотнями умирали от голода, дезертировали, гибли в боях, значительную часть удалось эвакуировать на Большую землю.

С октября 1942 г. начинается второй этап партизанского движения. Вот как описывал этот период А. А. Сермуль.

«Отряд каждую ночь ночевал в новом месте. Носили с собой парашют. Вечером за дерево стропой зацепили, кольшком по низу прихватили, костер развели – сверху дырка для дыма сделана, переночевали, утром сматываемся и уходим в другое место. На одном оставаться было опасно, потому что немцы вели за лесом авиационное наблюдение» (Там же: 37).

В целом по Крыму в январе 1943 г. в партизанском лесу насчитывалось всего 349 бойцов, а уже через месяц на 17 февраля – 266 человек, на 1 августа – 214 человек! (Басов 1987: 87).

В этот период противник имел реальный шанс уничтожить партизан, но сработал принцип биоценоза, образно говоря, известный как взаимозависимость количества волков и оленей. Смысл сравнения в следующем. На каком-то заданном пространстве много волков, но мало оленей. Пищи всем не хватает, и старые и больные волки не могут себя прокормить. Число волков резко уменьшается, вследствие чего начинает расти число оленей. Избыток корма приводит к тому, что уже и старые волки могут найти себе пищу: число волков растет, а оленей – уменьшается, и так до бесконечности.

Так же и с партизанами. Когда они проявляют активность и становятся головной болью оккупационных властей, наступает момент, когда те вынуждены снимать с фронта войска и обрушиваться на партизан всеми своими силами. Загнанные далеко в горы

партизаны никого не беспокоят, и соответственно противник не трогает их. Они снова собираются с силами, и все начинается сначала.

Зимой 1942–1943 гг. партизаны оказались без продовольствия, боезапаса... Фронт отошел за сотни километров на восток. Концентрация частей уменьшилась в разы, но и оставшиеся части во много раз превосходили партизан по численности.

Ничем не могла помочь продовольствием и крымская деревня, жители которой сами бедствовали и еле сводили концы с концами.

В силу геополитических интересов ни Крым, ни крымские партизаны в этот период были совершенно не нужны командованию РККА.

На какой-то период все крымские партизаны переместились в леса заповедника, в наиболее труднодоступные заснеженные верховья горных речек Аракча, Пескура, Ускулар, Донга и Писара, на северные склоны главной гряды Крымских гор.

Оказалось, что леса заповедника имеют и теневую сторону: позиции противника и партизан одинаковы. Внезапность удара предотвратить сложно, тогда как в Зуйских лесах на многие километры вокруг партизаны видели передвижения противника и потому успевали занять оборону даже на внешнем обводе, имея в запасе и главные рубежи обороны.

Интересна такая дискуссия, которая возникла среди высшего руководства партизанским движением. Д. Ф. Ермаков и И. П. Калугин старались найти место для стоянки поближе к воде и, главное, чтобы иметь возможность отхода в случае вражеского нападения.

И. Г. Кураков и Н. Д. Луговой были убеждены, что главным достоинством стоянки должна быть возможность длительного отпора карателям.

Несколько по-иному изложил свою точку зрения на этот вопрос бывший в ту пору рядовым партизаном Андрей Сермуль. Смысл ее сводился к следующему: если раньше, встретив превосходящего по численности противника, партизан или даже группа партизан давали бой и стремились оторваться, то с началом голода, когда истощение стало повальным, пришло понимание того, что сколько ни пытайся уйти, противник все равно их догонит. Так появилась но-

вая тактика: отходишь до тех пор, пока не найдешь удобную для обороны позицию, а уже там партизан бьется насмерть в прямом значении этого слова. Дальнейшие события, как правило, развивались по двум сценариям: партизан мог погибнуть, что, к сожалению, было не редкостью, но в соответствии с правилами оборонительного боя каждый боец забирал с собой на тот свет минимум втрое больше противников. Второй вариант заключался в том, что, встретив такой отпор и осознав, что легкой добычи не будет, а рисковать своей головой никто не хочет, враг уходил.

Таким образом, можно сделать вывод, что, вероятно, правильными были обе тактики, просто применять их надо было в соответствии с конкретно сложившейся обстановкой.

Действия партизан на коммуникациях вынудили противника полностью прекратить ночные передвижения, а затем вдоль Алуштинского шоссе он заставил население вырубить все кустарники на сто метров от дороги.

Осенью 1943 г., когда фронт вновь подошел к Крымскому полуострову, Крымский обком ВКП(б) вновь «наступил на те же самые грабли». Было принято решение о массовом разворачивании партизанского движения, более того, в лес «под защиту партизан» стали звать все мирное население прилесной зоны.

Стремительно выросло число отрядов, которых стало тридцать три! Большинство из них располагалось непосредственно в горных селениях.

К несчастью, история имеет тенденцию повторяться. Оказалось, что немецкое командование отменило эвакуацию войск, а советское наступление прекратилось, все внимание сосредоточилось на Никопольском плацдарме противника на Днестре.

Вновь каратели обрушили на партизан огромные силы. На этот раз помимо непосредственных участников боевых действий большего всего пострадало мирное население, защитить которое партизаны, естественно, не могли.

Если начиналось партизанское движение с цифры в 3700 человек, которая впоследствии снизилась до 214, то в апреле 1944 г. из леса вышло 3680 человек.

Закон биоценоза! Мало оленей – много волков!

Трудно, очень трудно было крымским партизанам! И на фоне этого в завершение мне хочется привести строки из дневника одного человека, в прошлом армейского, а потом партизанского командира Евгения Тарновича, сделанные в самые трудные, в самые голодные дни: «Я давно проклял Крым с его лесом и горами. Но вместе с тем он чертовски красив весной. Какая прелесть, какая благодать, я восторгаюсь...» (ГААРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 58. Л. 22) После того, как я в архиве прочитал эти строки, у меня на глазах невольно появились слезы, слезы признательности, благодарности за эту любовь к моему Крыму.

Литература

Басов, А. В. 1987. *Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945*. М.: Наука.

Генов, И. Г. 1983. *Дневник партизана*. Симферополь: Крымиздат.

Германские документы о борьбе с крымскими партизанами в 1941–1944 гг. 2000. *Москва – Крым. Историко-публицистический альманах*. Вып. 1. М.: Фонд «Москва – Крым».

Ена, А. В. 2005. *Перевалами Горного Крыма*. Симферополь: Бизнес-Информ.

Луговой, Н. Д. 2004. *Страда партизанская: 900 дней в тылу врага*. Симферополь: Эльфинью.

Мальгин, А. В., Кравцова, Л. П., Сергиенко, Л. Л. (сост.) 2006. *Партизанское движение в Крыму в период Великой Отечественной войны*. Сборник документов и материалов. 1941–1942. Симферополь: СОНАТ.

Македонский, М. А. 1969. *Пламя над Крымом*. Симферополь: Крымиздат.

Сермуль, А. А. 2004. *900 дней в горах Крыма*. Симферополь: СОНАТ.

Федоренко, Ф. И. 1990. *Годы партизанские, 1941–1944*. Симферополь: Таврия.

Архив:

ГААРК – Государственный архив Автономной Республики Крым.